

Василий ЛАНОВОЙ: «ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ НАШИ ДЕТИ ВЕРИЛИ...»

Он не любит вопросов о личной жизни. Его заметно раздражает определение — секс-символ... Я шла на интервью с постаревшим Василием Лановым, кумиром 70-х, и думала о несправедливости песочных часов и непростительном отсутствии современного романтического героя.

— У вас спрашивают про Павку Корчагина?

— Обязательно. Ехидно так интересуются: «Ну и как вы теперь относитесь к Корчагину?» Так вот отвечаю: теперь я его уважаю в тысячу раз больше, чем тогда! Потому что, дай бог, этим мальчикам на Арбате и вообще нашим детям хоть во что-то верить, так как верил мой папа. И если они найдут веру, это будет большим благом для России.

— Насколько я знаю, вы человек нерелигиозный. В чем же ваша вера? К чему призываете тех же мальчиков с Арбата?

— Верую прежде всего в духовность. Я всячески пропагандирую нашу русскую классику как первооснову. Ею закладываются все те корни, которые связывают времена. Тем более что сегодня связь времен оборвана. Я позволяю себе одно увлечение — художественное чтение. Обожаю русскую поэзию. Если есть возможность вступать с Александром Сергеевичем в любую связь, я на это иду с удовольствием. Поскольку считаю, что на сегодняшний день Пушкин — общая национальная идея, о которой так много кричат и справа, и слева, и снизу. С этим именем могут соотноситься все наши народности, сложности, добродетели, понятия о красоте, добре и зле.

— Вы полагаете, литература, даже гениальная, способна что-то изменить в сегодняшней жизни?

— Я всего лишь считаю, что художественное слово в условиях дефицита культуры и духовности — необходимость. Мы живем в страшное время...

— Как вам удается сохранять себя от переживаний, как защищаетесь от потока негативной информации?

— Никак. Это постоянная боль. — Сегодня вас уже можно назвать классиком театра и кино, почти полвека в профессии. Вы удовлетворены своей творческой судьбой?

— Я не могу жаловаться на судьбу. Она мне подарила несколько прекрасных ролей, замечательных режиссеров, партнеров-актеров. А какую литературу: «Анна Каренина», «Война и мир», «Любовь Яровая», «Алые паруса», «Иду на грозу», «Как закалялась сталь». Это невиданный подарок. Снимался у Райзмана, Алова, Намумова, Танечки Лиозновой, Сахарова, Бондарчука. Снимался с Плятым. Был дружен с Раневской. Чувствуете, какие имена!

— Славу же вам принес кинематограф. Какая самая любимая роль в кино?

— «Полосатый рейс». Помните эпизод. Я там говорю: «Вон та группа в полосатых костюмах.

Красиво плывут!» Это вещь — на все времена. Там некогда было ошибиться.

— А какую роль так и не удалось сыграть?

— Очень много. Я не сыграл Чацкого, Сидя, Гамлета. Но кое-что из того, что хотел, получил, например, Дон-Жуана, Цезаря.

— Актеры в театрах хорошо зарабатывают? Какое место в вашей жизни занимают деньги?

— Очень мне нравится, когда они у меня есть. Если б еще не таким большим трудом и муками они добывались, совсем было бы хорошо. Деньги — это прежде всего независимость. Когда есть возможность их приобрести, не идя на компромисс с совестью, это замечательно. И я на это иду. Слава богу, имя помогает. Иногда мы выезжаем со спектаклями, концертами в разные города. Это удовольствие как для зрителей, так и для нас.

— Занимаетесь любимым делом, и вам за это еще деньги платят. Вы счастливый человек?

— Вскрытие покажет. Есть люди легкие, а есть утяжеленные. Я себя отношу к не утяжеленным. Я скорее легкий и светлый, нежели утяжеленный и тяжелый.

— Расскажите о своей семье.

— Моя жена — замечательная русская актриса Ирина Петровна Купченко. У нас два сына Саша и Сережа. Имена дали в честь Пушкина и Есенина. Один закончил факультет журналистики, второй экономический. Члены семьи — две собаки Трезор и Полкан, кошка Лиза. У каждого животного уникальная история. Трезора подобрали зимой на улице. Сгорел дом, щенки сидели и ждали хозяина. Полкан появился во время иракской войны. Зашел сын и сказал: «Смотри, папа, как Саддам Хусейн». Он оказался таким же черным, не одного белого волосика. Котенок же упал сверху. Неизвестно, с какого этажа. Мы еле его спасли. Делали две операции.

— Дети не помышляли пойти по родительским стопам?

— Сыновья — красивые, большие, материал просто божественный. Они относятся к актерству безразлично. Мы, родители, очень счастливы, что они не стали актерами. В течение всей жизни они два или три раза видели нас на сцене. Мы старались, чтоб актерская зараза к ним не попала. В нашей профессии очень многое зависит от случая. Часто талантливейшие люди погибали, так и оставшись невостребованными.

— А ваши родители как относились к выбору сына?

— А никак. У меня мама и папа были крестьянами, абсолютно не

имели никакого отношения к театру. На двоих закончили по три класса школы. Были совершенно безграмотными людьми. Спокойно работали на нефтехимическом заводе. И дали нам всем троим высшее образование. Я занимался в самодеятельности в Доме культуры ЗИЛа. И очень хотел быть летчиком. Мой первый учитель Сергей Львович Штейн сказал мне: «Каким ты станешь летчиком, я себе предполагаю, а вот то, что из тебя актер приличный может быть, сомневаюсь. Поэтому давай-ка иди в актеры». А я пошел в летное училище. Он приехал и забрал оттуда мои документы. Сказал им, что из него может быть актер.

— Ваша природная, аристократическая красота вам помогала делать артистическую карьеру?

— Для некоторых ролей романтического склада нужны соответствующие внешние данные. Скажем, для героя-любownika не совсем подходит человек маленький, лысый, курносый, косолапый, с вывороченной челюстью. Ему трудно будет играть Артура Грея в «Алых парусах». Он может играть, но ему будет очень сложно. В этом смысле внешность мне помогала. Но она же очень сузила круг ролей, которые мне первые годы давали. Даже в театре. Это потом я стал играть разные роли, не опираясь на внешность. Вообще в актерской палитре внешность — одно из самых важных, так же как и голос, пластика. Это слагаемые профессии.

Меня приучили смотреть на себя с юмором. Мои преподаватели внушали, что нельзя серьезно к себе относиться. «Вы посмотрите, этот актер так серьезно к себе относится!» — смеялись они. При этом я понимал, что некоторые роли мои больше, чем Петрова или Сидорова.

— В жизни работали лицом?

— В смысле добывать? И в прошлые времена приходилось, и сейчас, причем гораздо больше. Приглашали группу актеров с именем, и ходили мы по кабинетам, добывали квартиры, деньги, машины для театра. Сейчас к банкирам ходим. То съездив, то станцев для того, чтобы денег дали.

— И банкиры, наверное, интересуются уже ставшим

культовым фильмом «Офицеры»...

— Эта картина странной судьбы. Вначале мы относились к фильму как к любому другому. Но в нем режиссер Роговой и оператор Кирилов, на мой взгляд, нашли какой-то ассоциативный ряд для каждого поколения зрителей. Прошло 30 лет, картину каждый год показывают и все смотрят по нескольку раз. И все равно говорят: «Ну, «Офицеры»!» Я думаю, что секрет в том, что каждое поколение находит в нем свое. Детство, послевоенное время, зрелость. Потребность в романтизме, реализме — пожалуйста. Потребность в красоте, в любви — все есть. Там какая-то загадка есть, чудо какое-то. У меня есть ролям гораздо лучше картины, но они проходили, и остался Иван Варавва... В фильме четко разделились обязанности. Юматов — реализм, Лановой — романтизм. И между ними женщина. Такой любовный треугольник.

— А в реальной жизни треугольники случались?

— Я прошу вопросы о женщинах мне не задавать. Я жутко не люблю всего этого, тем более когда это смакует в пошлых изданиях: «А сколько их было, а как она тебя...» У каждого есть вещи, которые не должны выходить наружу. Я туда никого не пускаю. Никогда. Так что не думайте, что я только вас так отмордовал.

— Спасибо утешили. Собственно, это естественный вопрос актеру, по которому наверняка сходили с ума множество женщин.

— Ну и бога ради. Я об этом говорить не намерен.

— Что же можете рассказать?

— Преподаю в институте. Заведую кафедрой художественного слова. Долго отказывался от этого, поскольку все это занимает время. Отдыхать люблю в Сочи в пансионате. Это единственное место, где могу заниматься спортом. Весь год мечтаю о спортивных площадках. В Москве нет времени. Люблю волейбол и лыжи, охоту с ружьем. В еде неприхотлив. Люблю грубую простую пищу, без излишеств...

А вообще, если хотите более легкие темы, то это не ко мне...

Беседовала
Ирина ТАГИРОВА

Саша-Ваня Васильев

20.07.03